

10.46272/2587-8476-2021-12-4-7-10

Религия в международных процессах: от «сумерек богов» к сумеркам секуляризма?

«От этих трех слов: “Флаг будет развеваться!” – у многих бедняков в домах стало на мгновение светлее, в пустом желудке приятнее, в легких одежонках теплее, от этих трех простых и неопределенных слов у многих из них сильнее билось сердце, от ярких красок и золотых крестов рябило в глазах, а в ушах, словно вихрь, победно шумели флаги всех христианских императоров и королей»¹. В своем знаменитом романе «Травницкая хроника», посвященном сюжетам боснийской истории начала XIX столетия, лауреат Нобелевской премии по литературе Иво Андрич блестяще изобразил ту силу, которую имели религиозные образы и символы для различных балканских народов. Даже консульские флаги наполеоновской Франции и императорской Австрии, двух ведущих европейских государств, пробуждали надежды христианского населения Османской империи на политическую самостоятельность. И напротив, боснийские мусульмане видели в османских флагах опору и защиту от набирающего силу сербского и хорватского национализма.

В эпоху модерна в социальных науках устоялось мнение о том, что вместе с общественным прогрессом, укреплением рационалистического мировоззрения роль религии будет неуклонно падать. И эта идея находила многократные подтверждения на практике. Секуляризм торжественно шествовал по миру, завоевывая не только «демократический Запад» и «коммунистический блок», но и такие форпосты исламского мира, как Турция, Персия (Иран). Светские тенденции укреплялись в Индии, Китае, Японии, Латинской Америке. Казалось, религия стала лишь объектом политики, но не ее субъектом. Некоторые политические игроки даже уверились в том, что они уже полностью контролируют религию и смогут держать ее в узде. Достаточно вспомнить, как Соединенные Штаты со своим ближневосточным союзником – Саудовской Аравией – провели операцию по экспорту ислам-

1 Андрич, И. Травницкая хроника. – М.: Изд-во Художественная литература, 1958. – С. 9.

ского радикализма в Афганистан с целью противостояния эксперименту по советизации этой страны¹.

Но прошло всего десятилетие, и афганские моджахеды, называемые официальным Вашингтоном «борцами за свободу», оказались едва ли не главными врагами США (а некоторые из них – и Саудовской Аравии). Еще через полтора-два десятилетия граждане европейских государств составили конкуренцию (правда, весьма своеобразную) выходцам из стран исламского мира по числу тех, кто решил присоединиться к террористической структуре «ИГИЛ/ДАЕШ»². По оценкам Аниты Перешин, к 2015 году (на пике наступательных возможностей игиловцев на Ближнем Востоке) численность граждан западных стран, присоединившихся к террористам, составляла как минимум 5500 человек, 10% из которых составляли женщины³. Зачастую такой своеобразный интерес объясняется сублимацией социального протеста в религиозную сферу. Французский востоковед Оливье Руа предлагает следующую формулу: «терроризм проистекает не только от радикализации ислама, но и от исламизации радикализма»⁴.

Некоторые интеллектуалы предполагали, что этнические и религиозные идентичности в мире после холодной войны растворятся, уйдут в прошлое⁵. Однако развитие пошло по иному пути. Как справедливо указывал Самюэль Хантингтон, и после 1991 года «флаги имеют значение, как и другие символы культурной идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура, а для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь»⁶.

Религия, похоже, триумфально вернулась в политику. И речь идет не только о странах исламского мира, который традиционно оказывается в фокусе исследовательского и экспертного внимания. Европейский союз, один из оплотов секуляризма, в качестве ключевого аргумента против принятия Турции в свой состав выдвигает недопустимость появления более чем семи десятков миллионов мусульман, что подрвет христианские основы европейской цивилизации⁷. Китайские коммунисты стали вести более гибкую политику внутри и вне страны. Они не только проводят жесткий курс в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, но и пытаются выстраивать прагматическую политику в отношениях с тибетскими буддистами, стремясь контролировать процесс «перерождения» Далай-Ламы. 4 декабря 2021 года, выступая на всекитайском совещании по религиозной работе, Председатель КНР Си Цзиньпин особо подчеркнул необходимость адаптации религиозных вероисповеданий к социалистическому обществу⁸.

В борьбе с шиитским Ираном Израиль идет на беспрецедентное сближение с суннитскими державами региона. Ближний Восток и Северная Африка сегодня

1 Hoodbhoy, Pervez. "Afghanistan and the Genesis of Global Jihad." *Peace Research* 37, no. 1 (2005): 15–30.

2 29 декабря 2014 года Верховный суд РФ признал организацию «Исламское государство Ирака и Леванта» террористической международной организацией и запретил ее деятельность в России.

3 Perešin, Anita. "Fatal Attraction: Western Muslimas and ISIS." *Perspectives on Terrorism* 9, no. 3 (2015): 21–38.

4 Roi, Oliver. *Jihad and Death: the Global Appeal of Islamic State*. New York: Oxford University Press, 2017. P. 6.

5 Habermas, Jürgen. *The Inclusion of the Other*. Frankfurt: Suhrkamp, 1996.

6 Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М: АСТ, 2003. – С. 18.

7 Zürcher, Erik-Jan, and Heleen van der Linden. *The European Union, Turkey and Islam*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2004.

8 Цит. по: Си Цзиньпин подчеркнул необходимость отстаивания развития религий по руслу их локализации на китайской земле // Синьхуа Новости. 12 апреля 2021. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2021-12/04/c_1310351813.htm (дата обращения: 10.12.2021).

превратились в настоящие полигоны, на которых различные игроки ведут борьбу за свои интересы, используя различных прокси, многие из которых воюют за религиозные идеалы. И в складывающихся конфигурациях не просматривается четкого водораздела между «религиозными цивилизациями». В борьбе за веру возможно ситуативное сближение христиан, иудеев и мусульман.

В четвертом номере журнала «Международная аналитика» рассматриваются вопросы, связанные не только с ролью религиозного фактора в мировой и региональной политике, но и политизацией самой религии. Наши авторы пытаются дать ответ, насколько вопросы борьбы за веру, защиту и продвижение религиозной идентичности важны в сегодняшней мировой повестке.

В статье Романа Лункина религиозный фактор рассматривается в контексте т.н. «четвертой волны» демократизации. Автор исследует роль мировых религий (в основном христианских церквей) в демократических процессах на примере стран-членов Евросоюза и государств постсоветского пространства. Особое внимание он уделяет противостоянию идеологий современной либеральной демократии и традиционализма.

Три текста нового номера затрагивают процессы в исламском мире. Домитилла Саграмосо и Ахмет Ярлыкапов обращаются к исследованию влияния иностранных салафитских и джихадистских течений на российский Северный Кавказ (Чечню и Дагестан) в 1990–2010-х гг. Юлия Рокнифард анализирует ислам как фактор формирования внешней политики Малайзии. Профессор Стэнфордского университета, историк и политолог Роберт Круз затрагивает один из, пожалуй, наиболее актуальных сюжетов сегодняшней мировой повестки дня – положение в Афганистане. Автор рассматривает вызов со стороны движения «Талибан»¹, вернувшего себе власть в этой стране. Круз анализирует конкуренцию талибов с другими исламистскими течениями, а также их попытки обеспечить себе внутреннюю и внешнюю легитимность.

В статье Александра Ломанова рассматриваются государственно-конфессиональные отношения в Китае. КНР в современном мире является одной из лидирующих держав, и зачастую исследовательский интерес к ней ограничивается факторами геополитики. Между тем, автор пытается проанализировать эволюцию идейно-политических подходов китайской Компартии к религии. Он концентрируется на опыте «адаптации» религии к тому общественно-политическому строю, который существует в КНР.

Текст Татьяны Шаумян представляет собой попытку анализа индуизма в общественно-политической жизни Индии. Статья является удачным синтезом обращения к историческому прошлому и актуальным политическим сюжетам. Автор показывает рост популярности коммуналистских организаций в последнее десятилетие, что в свою очередь создает непростые дилеммы для единства, территориальной целостности и демократического развития Индии.

Статьи Екатерины Шебалиной и Анджея Шабация образуют своеобразный «католический» раздел номера. В первом случае автор рассматривает внешне-

1 Запрещенная в России террористическая организация.

политические приоритеты Святого престола, фокусируясь на посреднических инициативах Ватикана, а во втором исследуется отношение Римской католической церкви к такому неоднозначному и сложному для современной Европы вопросу, как иммиграция.

Работа Надежды Беляковой и Наталии Шок обращена к такому малоизученному вопросу, как формирование новой роли религиозных акторов в мировой биоэтической повестке, прежде всего в системе ООН. На фоне продолжающейся пандемии коронавирусной инфекции данная тема получает особую актуальность как на теоретическом, так и на прикладном уровне.

Могут ли положения современной теории международных отношений превращаться в некие символы веры? Насколько опасна «религизация» наших представлений о мировой политике? Или она дополняется и будет дополняться «рационализацией», и оба дискурса будут сосуществовать, обогащая развитие теоретической мысли? На эти вопросы в интервью отвечает Роман Райнхардт. Он делится предварительными результатами исследования возглавляемого им научного коллектива под эгидой Российского научного фонда.

Наш журнал продолжает публикацию рецензий на новые книги. В четвертом номере мы публикуем материал известного американского политгеографа Джерарда Тоала, выступившего с оценкой учебника своего российского коллеги Игоря Окунева. Данная рецензия интересна, прежде всего, тем, что ярко высвечивает различия в исследовательской оптике представителей науки из России и США. Это – не идеологические разночтения, но и не в чистом виде академические. Речь, скорее всего, о ценностных приоритетах. И в этом плане рецензия Тоала снова приглашает нас порассуждать и поспорить о «рационализации» и «религизации» в изучении международных отношений.

Таким образом, значение религиозного фактора в современной мировой политике за тридцать лет, прошедшие с момента завершения холодной войны, заметно выросло. Принятие любого решения или планирование внешнеполитических стратегий без учета сложной конфессиональной палитры в разных странах и регионах сегодня невозможно. И значит, наш журнал еще не раз обратится к этим вопросам.

С.М. Маркедонов, главный редактор
А.А. Ярлыкапов, заместитель главного редактора